

АНТРОПОЛОГИЯ

**Библиотека
журнала
Неприкосновенный
запас**

Alexey Golubev

THE THINGS OF LIFE

Materiality in late Soviet Russia

CORNELL UNIVERSITY PRESS

2020

Алексей Голубев

ВЕЩНАЯ ЖИЗНЬ

Материальность позднего социализма

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2022

УДК 316.7(47+57)«198»

ББК 63.3(2)63-75

Г62

Редактор серии

А. Куманьков

Голубев, А.

Г62 Вещная жизнь: материальность позднего социализма / Алексей Голубев; пер. с англ. Т. Пирусской. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 328 с.: ил. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-1829-9

ISSN 1815-7912

Какую роль материальные объекты играют в общественной жизни? Насколько окружающие нас предметы влияют на конструирование коллективной и индивидуальной идентичности? Алексей Голубев в своей книге «Вещная жизнь» ищет ответы на эти вопросы в истории позднего СССР. В отличие от большинства исследователей, которые фокусируются на роли языка и идеологии в формировании советского «я», автор подчеркивает значение материальности для исторического и социального воображения, сложившегося у жителей страны в период позднего социализма. Он демонстрирует, как самые разные объекты в диапазоне от архитектурных памятников до телевизоров структурировали социальную жизнь советских людей, выстраивали их вкусы и предпочтения, определяли отношения внутри коллективов и сообществ. Такой взгляд на позднесоветскую историю не только помогает лучше ее понять, но и позволяет увидеть этот опыт как неотъемлемую часть глобальной модерности. Алексей Голубев — историк, PhD University of British Columbia, доцент Хьюстонского университета, соредактор антологии «XX век: письма войны», вышедшей в издательстве «НЛО».

УДК 316.7(47+57)«198»

ББК 63.3(2)63-75

На обложке: Витальность аппаратов Илизарова. Журнал «Изобретатель и рационализатор». 1979 г. № 6. С. 15. Фотограф Е.М. Рогов © ИР.

The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia, by Alexey Golubev, originally published by Cornell University Press

Copyright © 2020 by Cornell University

This edition is a translation authorized by the original publisher.

© Т. Пируская, перевод с английского, 2022

© И. Дик, дизайн обложки, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	8
Введение. Стихийный материализм в советской культуре и обществе	12
Определение стихийного материализма	18
Осмысление материального как социального	21
Остранение советского общества посредством вещей	26
Материальность и советское «я»	28
Материальные координаты советского «я»	36
Глава 1. Техноутопизм советской интеллигенции после Сталина	44
Машина как сущность социализма	51
ТРИЗ: Генрих Альтшуллер и его диалект советского техноутопизма	60
Податливая материя в советских научно-технических журналах	68
Глава 2. Время в масштабе 1:72. Пластмассовая историчность советских моделей	84
Объекты моделирования под цензурой	91
Фетишизм детали	97
Историчность коллекций масштабных моделей	107
Глава 3. История, запечатленная в дереве. Поиски исторической подлинности на Русском Севере	120
Лирические пейзажи социализма	127
Александр Ополовников и создание музея «Кижы»	136
Наслоения истории	146
Под парусами самобытности	154

Глава 4. Проходные пространства выходят из-под контроля. Социальные противоречия советских подъездов и улиц	168
Очерк советского подъезда	172
Секс в подъезде	179
Обуздание подъезда	186
Следы на стенах	193
Глава 5. Люди из стали. Железо для здоровья и силы советского тела	208
Железо как лекарство	214
В «серой зоне» советского спорта	223
Грязь и чистота советских подвалов	233
Культурное тело, гибридная личность	246
Глава 6. Обыденное и паранормальное в советском телевизоре	260
Буайеристская революция в советском жилище	273
Новые ритмы жизни	278
Экстрасенсы на экране	282
Заключение. Советские вещи и социалистическая модерність	297
Литература	304
Указатель имен	324

Начме

БЛАГОДАРНОСТИ

В этой книге отражен значительный отрезок моей научной биографии. Он начался в 2011 году в Университете Британской Колумбии, и я безмерно благодарен Энн Горсач за советы, отклик и поддержку. Я признателен и другим коллегам по факультету: Алексею Кожевникову, Биллу Френчу и Карле Наппи, — обратившим мое внимание на социальную жизнь техники, подогревшим мой интерес к визуальным, материальным и эмоциональным аспектам истории и побудившим меня задуматься о сложности взаимоотношений между миром природы, человеческим телом и системами знания. От Майкла Дэвид-Фокса из Джорджтаунского университета я получил конструктивную и последовательную критику моего проекта, которая помогла мне выявить моменты, требующие доработки. Я также благодарю Мишеля Дюшарма, Кортни Букера, Дэвида Мортонса, Игла Глассхейма, Тадео Лиму, Дениса и Катерину Кожевниковых, Дмитрия Мордвинова и Сару Башем, игравших важную роль в моей интеллектуальной и социальной жизни в период, связанный с Университетом Британской Колумбии.

Нынешний облик моя книга приобрела уже во время моей стажировки в Университете Торонто и работы в Хьюстонском университете, и я признателен коллегам из обоих городов за помощь и поддержку, которую они оказывали мне все эти годы. Русский кружок в Торонто дал мне прекрасную возможность обсудить свои исследования, и среди тех, кто откликнулся ценными для меня замечаниями, назову Линн Виолу, Элисон Смит и Симоне Аттилио Беллеццу. Линн — идеальный руководитель, чьи советы помогали мне как во время стажировки, так и после ее завершения. Живая интеллектуальная среда Хьюстонского университета

обогастила этот проект во многих отношениях, за что я благодарен Дэвиду Рейнбоу, Филипу Хауэрду, Абделю Раззаку Такрити, Хосе Анхелю Эрнандесу, Джихан Юксель, Игорю Александрову и Луису Оливейре.

Эта книга получилась бы совершенно иной без Сергея Ушакина. Моя центральная концепция сформировалась в ходе наших многочисленных дискуссий о советской культуре и обществе, теории аффекта, материальности, субъективности и личности, производстве знания. Его комментарии помогли мне отточить ключевые концепции и теоретическую основу работы. Его аналитический взгляд как теоретика и практика советских и постсоветских исследований, желание помочь и умение щедро делиться своими необъятными познаниями были для меня ценными уроками.

Работу над книгой, занявшую почти десять лет, существенно облегчили помощь и поддержка многих людей по обе стороны Атлантики. Я благодарю Юлию Обертрайс, Дитмара Нойтатца, Виллибальда Штайнметца и Михеля Абессера в Германии; Екатерину Емельянцеву-Коллер в Швейцарии; Катриону Келли, Ольгу Смоляк и Ника Барона в Великобритании; Маркку Кангаспуру, Симо Микконена, Марию Ляхтеенмяки и Пию Койвунен в Финляндии; Ларса Элениуса и Матса-Улофа Ульссона в Швеции; Халлварда Тьелмеланда в Норвегии. Анастасия Федотова, Анатолий Пинский и Зинаида Васильева были внимательными слушателями и конструктивными критиками в Санкт-Петербурге. Книга во многом опирается на исследования истории Русского Севера, которыми я занимался ранее в Петрозаводском государственном университете, и я хочу выразить благодарность моим коллегам: Ирине Такале, Сергею Веригину, Александру Антощенко, Илье Соломещу, Дмитрию Четвертному, Евгению Каменеву и Александру Толстикову. Я особенно признателен Александру Осипову, взявшему для меня несколько интервью. В разное время я получил ценные комментарии по поводу своих

теорий и отдельных фрагментов книги от Дмитрия Громова, Евгения Ефремкина, Ивонн Хауэлл, Драгана Куюнджича, Элейны Лемон, Алексея Попова, Тадео Лимы, Марко Думанчича, Бенджамина Сатклиффа, Адама Франка, Брайана Уилсона и Перри Шерауза. Также я благодарен двум анонимным рецензентам и Роджеру Хэйдону из издательства *Cornell University Press* за отклики, которые помогли мне на финальном — самом важном — этапе доработки книги.

Я признателен за финансовую поддержку этого исследования. Проект получил финансирование от аспирантского отдела, факультета искусств и кафедры истории Университета Британской Колумбии, включая стипендию имени Маргарет А. Ормсби. Основными внешними источниками финансирования проекта во время обучения в аспирантуре были Фонд Киллама и Фонд Герды Хенкель. После защиты диссертации мой проект финансировался постдокторской стипендией имени Бантинга, предоставляемой правительством Канады.

Я смог представить разные аспекты своей концепции в форме докладов на конференциях благодаря финансовой поддержке со стороны Канадской исторической ассоциации, Европейского университета в Санкт-Петербурге, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Москве, Ноттингемского университета, Принстонского университета, Хэвигхёрст-центра российских и постсоветских исследований Университета Майами, Цюрихского университета, Университета Эрлангена — Нюрнберга, Музея Уинтертур и Хьюстонского университета.

Более ранний вариант второй главы был опубликован как: *Golubev A. Time in 1:72 Scale: Plastic Historicity of Soviet Models // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. Vol. 17. № 1. P. 69–94.* Предварительный вариант третьей главы также печатался ранее: *Golubev A. «A Wonderful Song of Wood»: Heritage Architecture of North Russia and the Soviet Quest for Historical Authenticity // Rethinking Marxism.*

2017. Vol. 29. № 1. P. 142–172. Я выражаю признательность названным журналам и их издателям за разрешение использовать эти материалы.

Появление русского перевода оказалось возможным благодаря Татьяне Вайзер, предложившей включить его в программу своей серии «Неприкосновенный запас» вскоре после оригинальной англоязычной публикации. Отдельная глубокая благодарность — Татьяне Пирусской, переводчице этой книги. Ее упорная работа, внимательность к языковым нюансам и чувство стиля стали залогом того, что русский перевод состоялся и, как мне хотелось бы верить, найдет своего читателя.

Наконец, я хочу сказать спасибо родным. Мои родители и брат всегда поддерживали единственного гуманитария в семье инженеров-энергетиков. Мои дети Миша, Маша и Аня иногда оставляли мне немного времени для работы над книгой в перерывах между стройкой игрушечных городов, ферм и песочных замков, спорами из-за конфет и другой вредной еды, уборкой и готовкой, велосипедными прогулками, детскими площадками и гостями, походами к врачу и больницами. В заключение я благодарю свою жену Анастасию Рогову. Прежде всего из-за нее я решился променять уже сложившуюся карьеру в России на рискованную затею с докторантурой в другом полушарии, — решение, из которого в конечном счете родилась эта книга, — и именно ее поддержка помогла мне ее написать.

ВВЕДЕНИЕ. СТИХИЙНЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕ

*...Стихийно, бессознательно материалистическ[ая] точк[а]
зрения, на которой стоит человечество, принимая суще-
ствование внешнего мира независимо от нашего сознания.*

В. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм

Собирая интервью для этой книги, я просил респондентов описать один день из своей жизни, относящийся к советской эпохе. Необязательно какой-то конкретный день, говорил я. Пусть это будет обычный рабочий день, например, зимой в начале 1980-х годов. Что бы вы назвали частью своего типичного повседневного опыта в то время?

Одна респондентка рассказала, как ежедневно ездила на автобусе на работу и обратно. Она особенно хорошо помнила, что зимой и на работу, и домой приходилось ехать в темноте, и подробно объясняла, что в маленьком и старом советском ЛиАЗе было теплее, чем в более просторном новом «Икарусе». Ее рассказы о поездках на автобусе при всей их обыденности позволяли глубже понять организацию повседневной жизни в северном советском городе. Она описывала восприятие каждодневных поездок на тактильном и температурном уровне: тесноту в общественных местах, моментально коченеющие пальцы на руках и ногах, невозможность поддерживать нормальную температуру тела, когда приходится перемещаться между пронизывающим морозом на улице, относительным теплом ЛиАЗа и натопленными помещениями. В ее рассказах присутствовали и отсылки к социальной темпоральности позднего социализма — точнее, к конкретным формам, которые эта темпоральность

принимала в северном городском сообществе в зимний период с его коротким днем, где временными ориентирами служили не рассвет и закат, а общественный транспорт и рабочие смены.

Другой респондент сообщил мне, что в начале 1980-х годов чрезвычайно увлекался культуризмом. Для многих культуризм едва ли ассоциируется с советской эпохой, но в действительности он существовал, правда, полуофициально, вызывая недовольство большинства государственных и спортивных чиновников. Мой собеседник провел много вечеров в тренажерном зале («качалке»), устроенном в подвале многоквартирного дома вместе с такими же энтузиастами культуризма. У еще одного респондента, на тот момент студента ПТУ, не было никакого конкретного хобби, поэтому большую часть времени он проводил, слоняясь по окрестным улицам или расположившись в подъезде какого-нибудь дома с друзьями своего возраста. Время от времени они били фонари, рисовали на стенах граффити, пили и дрались с другими подростками — все это, по его словам, исключительно от скуки. В этих рассказах раскрываются некоторые своеобразные исторические формы советской пространственности, например, освоение группами подростков общественных мест, опыт отчуждения в социалистическом городском пространстве и практики его преодоления. В них мы видим, что советское пространство конструировалось и обживалось, что оно было иерархичным и гибким, но прежде всего — неоднородным и многослойным.

Вспоминая свою повседневную жизнь в эпоху позднего социализма примерно тридцать лет спустя, мои респонденты часто описывали ее через материальные условия, причем не только в категориях потребления. Разумеется, потребление играло важную роль с его дефицитом, очередями и блатом, составлявшими значительную часть жизни большинства советских людей. И все же советская материальность

не сводилась к советским товарам. Материальные предметы и пространства помогали людям ориентироваться в социалистическом городе, упорядочивали их быт, определяли отношения с родными, друзьями и соседями, формировали сообщества. В собранных мною интервью были разбросаны фрагменты советского исторического опыта, показывавшие, что материальное структурировало социальное и что в центре социалистических личностных практик — коллективных и индивидуальных — зачастую стояли вещи.

Официальные советские документы не обходили вниманием это взаимодействие материального и социального. С этой точки зрения любопытно читать отчеты, докладные записки и другие документы, составленные мелкими советскими чиновниками. С одной стороны, они предельно шаблонны: одни и те же фразы о ведущей роли партии повторяются от Владивостока до Калининграда. С другой стороны, их авторам, советским бюрократам, приходилось иметь дело с живым материалом — тканью советской повседневности, — не вписывающимся в рамки официального дискурса. Их наблюдения и интерпретации относились к советским людям в непосредственном контакте с социальной и материальной средой, что часто приводило к разрывам и неточностям в клишированных в остальном официальных нарративах. Взаимодействие между людьми и вещами в языке бюрократических отчетов нередко предстало как сложная система. Не только люди изображались как субъекты социально-экономических процессов, но и предметы материального мира выступали как их активные участники. Так, в отчете Министерства финансов Карельской АССР за 1963 год говорилось: «Большие убытки приносит совхозам автотранспорт, что является следствием низкого коэффициента использования, приписок и перерасхода горючего <...> Например, в совхозе „Пудожский“ <...> 1 сентября [1963 года. — *А. Г.*] трактор „Беларусь“ простоял без дела целый день, хотя в это время в совхозе было

напряженное положение с вывозкой картофеля и подвозкой силосной массы»¹.

Официальные советские документы изобилуют подобными описаниями, как и жалобами на то, что заболоченные почвы препятствуют запланированному росту городов и расширению сельскохозяйственных угодий, что промышленные отходы, накапливаясь, угрожают здоровью людей и сохранности материальных ресурсов, что неразвитая инфраструктура мешает обучению и воспитанию советских подростков, а слабое освещение улиц создает благоприятную обстановку для преступности. Исследователи, занимающиеся советской историей, давно заметили, что желание покорить и полностью взять под контроль материальный мир — как природный, так и рукотворный, — оставалось одним из главных столпов советской идеологии и культуры с 1917 по 1991 год². Тем не менее у советских чиновников — как и у моих респондентов, — много времени уходило на попытки справиться с неожиданностями, трудностями и препятствиями, возникавшими из-за упорного сопротивления инфраструктуры, оборудования и природных явлений советскому государственному планированию. Как и мои респонденты, которые описывали свой повседневный опыт через непосредственные материальные условия, советские чиновники признавали, что материальная среда способна определять обстоятельства человеческой жизни. Пытаясь объяснить причины такого влияния, авторы официальных советских документов в этих и многих других случаях практически одушевляли вещи, изображая материальные объекты и пространства не просто как декорации или инструменты, которые человек использует по своему усмотрению, а как соучастников — иногда помогающих, но часто

¹ НАРК. Ф. Р-2359. Оп. 1. Д. 2/14. Л. 11–12.

² *Кларк К.* Москва, четвертый Рим. Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941) / Пер. А. Фоменко, О. Гавриковой. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

и сопротивляющихся — социально-экономических процессов. Для чиновников, которым приходилось разбираться со сложной экономической ситуацией в совхозе «Пудожский», было совсем не пустяком, что в тот или иной момент грузовики и трактор «Беларусь» простаивали без дела или расходовали слишком много горючего. Их коллег, осматривавших места лесозаготовок, беспокоило, что груды древесных отходов и сложенные слишком плотными штабелями бревна создавали опасность пожара¹. Инспекторы, приезжавшие в общежития профтехучилищ, испытывали беспокойство при виде того, как отсутствие условий для внеклассной работы сказывалось на хулиганстве и неуспеваемости среди учеников². Язык подобных отчетов предполагал наличие у материальных объектов определенного социального заряда, если уж не непосредственного влияния. Трудности, с которыми сталкивались советские чиновники, часто были обусловлены не только человеческой некомпетентностью и ленью, но и сопротивлением материального мира, не подчинявшегося партии и правительству.

Конечно, можно забраковать такие объяснения как наивные, тем более что легко выстроить причинно-следственную цепочку, в которой описанные выше ситуации предстают как результат хронических недостатков советской плановой экономики, таких как отсутствие конкуренции и мотивации. Но, на мой взгляд, не менее продуктивно рассматривать моих собеседников и советских чиновников как «ситуационных материалистов», в глазах которых подобная глобальная картина носила весьма отвлеченный характер. Их волновало другое: то, что оборудование ломается и, значит, срывает производственные планы, а промышленные отходы местных предприятий скапливаются на населенных территориях и вокруг них,

¹ НАРК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 514/2393. Л. 43–44.

² НАРК. Ф. Р-3. Оп. 26. Д. 140. Л. 4.

создавая угрозу имуществу, здоровью и жизни местного населения. То, что поднятие тяжестей меняло форму тела, а автобусы были либо тесными, зато теплыми, либо просторными, но холодными. То, что неприрученные городские ландшафты порождали социальные отклонения или — если смотреть с противоположной точки зрения — образовывали необходимые людям пространства для совместного досуга, обмена новостями, развития и поддержания социальных связей.

Иными словами, собирая интервью и изучая исторические документы, я неслучайно то и дело наталкивался на объяснения социальных ситуаций, где фигурировали не только отдельно взятые люди и вещи, но также общности людей, материальных объектов и природных или рукотворных ландшафтов. Этот спонтанный материализм отражал реальную историческую сложность отношений между человеком и вещами в позднесоветском обществе. Попытки объяснить поведение людей через предметы материального мира и увидеть в предметах воплощение социальных отношений и конфликтов, представлений и эмоций, особое внимание к взаимодействию людей и их материальной среды не всегда обусловлены наивностью или идеологической тенденциозностью тех, кому принадлежат эти свидетельства. Пристальный интерес к вещам и пространствам может рассказать много нового об общественной жизни в эпоху позднего социализма. В то же время повседневный, спонтанный и стихийный материализм советских людей помогает нам лучше понять социальное значение материальности в целом, вне советского контекста. Внимательность к отношениям между людьми и предметами в Советском Союзе — результат определенных исторических условий, сформированных плановой экономикой, установкой на социальное государство и социалистическими дискурсами, — косвенно ставит под вопрос антропоцентристские концепции общества. Вслед за Биллом Брауном, автором «теории вещей», в этой книге я задаюсь вопросом:

«Можем ли мы не отбрасывать этот материализм, а чему-то у него научиться?»¹. По примеру советских чиновников, журналистов и рядовых граждан, этих спонтанных и стихийных материалистов, стоит, как мне кажется, осознать способность предметов и материальных пространств организовывать социальную жизнь.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТИХИЙНОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Термин «стихийный материализм» (*naturwüchsiger Materialismus*) был впервые употреблен Фридрихом Энгельсом в книге «Анти-Дюринг» (*Anti-Dühring*)². Энгельс стремился прежде всего дискредитировать идеалистическую философию и ее соблазны для социалистического движения, олицетворением которых ему представлялся Евгений Дюринг, видный немецкий критик марксизма. Возводя истоки материалистической диалектики Карла Маркса к античной Греции, Энгельс утверждает: «Античная философия была первоначальным, стихийным материализмом. В качестве материализма стихийного, она не была способна выяснить отношение мышления к материи»³. В его черновиках сохранилось более развернутое определение античной философии как «первоначального стихийного материализма, который на первой стадии своего развития весьма естественно считает само собой разумеющимся единство в бесконечном многообразии явлений природы и ищет его в чем-то определенно-телесном, в чем-то особенном, как Фалес в воде»⁴.

¹ *Brown B.* Thing Theory // *Critical Inquiry*. 2001. Vol. 28. № 1. P. 3.

² *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенной господином Евгением Дюрингом // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч.: В 50 т. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 142.

³ Там же.

⁴ *Энгельс Ф.* Диалектика природы. Заметки и фрагменты // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 502.

Употребленное Энгельсом словосочетание *naturwüchsiger Materialismus* на русский язык традиционно переводят как «стихийный материализм». Такой перевод содержит отсылку к базовой проблеме досократической философии, пытавшейся усмотреть начало всего природного мира в одной из основных стихий (Энгельс упоминает Фалеса, называвшего первоэлементом воду). В таком виде термин «стихийный материализм» закрепился в советской истории философии на раннем этапе развития материалистического мышления¹.

Однако советские философы упускали из виду, что их окружает другая форма стихийного материализма: укорененное в культуре сознание способности материи и вещей влиять на тело и личность человека — характерная черта советской знаковой системы, контролировавшей повседневное производство смыслов. Стихийным он был в том плане, что отсылал к обыденному опыту и сложным взаимоотношениям тел, предметов и физических пространств, воздействовавших на общество, но необязательно восходящих к господствующему идеологическому порядку. Стихийный материализм представлял собой совокупность спонтанных и ситуационных культурных форм, с помощью которых советские люди осмысливали этот социальный фактор. Зачастую они — говоря словами Энгельса — «не были способны выяснить отношение мышления к материи». Но, на мой взгляд, дело не в наивности, как подразумевает модель эволюции Энгельса, а скорее в реакции культуры на «внезапность», с какой вещи заявляют о своем присутствии и власти»², и на упрямство, с каким они это делают.

Необходимо прояснить один важный вопрос — о месте стихийного материализма в идеологическом ландшафте позднего социализма. Хотя я заимствую сам термин из

¹ *Ананьева М.* и др. Диалектический материализм. М.: Мысль, 1989. С. 47.

² *Brown B.* Thing Theory. P. 3.

советской марксистской истории философии, я никоим образом не подразумеваю какой-либо устойчивой связи между советским стихийным материализмом и коммунистической идеологией. Эрнст Гомбрих заметил: «Пожалуй, из уроков, которые историк может извлечь из психологии, нет более важного, чем осознание многослойности человеческой натуры, мирного сосуществования в ней взаимоисключающих установок. Примитивной стадии, когда человеку все казалось магией, не было; никакой эволюции, которая стерла бы предшествующий этап, не происходило»¹. Авторы работ об идеологии — в целом и применительно к советскому контексту — показали, насколько всепроникающим воздействием она обладает, как легко выходит за рамки официальной доктрины, вмешиваясь в общественные отношения, повседневную жизнь и осмысление человеком своего «я»². Однако не все происходившее под советским небом являло собой социально обусловленный продукт официальной идеологии. В этой книге я рассматриваю ситуации, когда советские материальные предметы и пространства брали на себя функцию базовых элементов общественной жизни, и анализирую различные культурные формы, посредством которых люди эпохи позднего социализма осмыслили и проблематизировали субъектно-объектные отношения в конкретных исторических обстоятельствах. В этом плане стихийный материализм никак нельзя назвать уникальным советским феноменом, и в своем анализе материального и социального я показываю, почему

¹ *Gombrich E. Art and Illusion: A Study in the Psychology of Pictorial Representation. London: Phaidon Press, 1977. P. 96.*

² *Butler J. Excitable Speech: A Politics of the Performative. New York: Routledge, 1997; Жижек С. Возвышенный объект идеологии / Пер. В. Софронова. М.: Художественный журнал, 1999; Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Изд-во ЕУ СПб., 2016; Halfin I. Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003; Хелльбек И. Революция от первого лица. Дневники сталинской эпохи / Пер. С. Чачко. М.: Новое литературное обозрение, 2021.*

советские формы самосознания органично вписывалось в мировой опыт модерности и модернизации, не являясь всего лишь результатом коммунистических дискурсов, образования и пропаганды. И все же некоторые проявления стихийного материализма были характерны именно для Советского Союза, и, анализируя их, я стремлюсь описать историческое развитие позднего СССР, продемонстрировав процессы, происходившие внутри советского общества, где взаимодействие людей с материальными предметами и пространствами нередко порождало культурные смыслы и социально значимые поступки. Наконец, присмотревшись к вещам, к их способности организовывать общество и отдельные общности, человеческое тело и индивидуальность в конкретном социалистическом контексте, мы получим более полное представление об исторических изменениях в современных обществах в целом.

ОСМЫСЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО КАК СОЦИАЛЬНОГО

В своем исследовании я опираюсь на обширный корпус критической литературы о теле и материальной культуре, написанной с позиций социальных наук. Авторы таких работ отвергли традиционную для науки склонность изображать «мир субъектов без вещей» и предложили ряд подходов к интерпретации роли материальности и материальных предметов в социальных процессах¹. Примеры таких подходов разнообразны: от антропологических исследований Бронислава Малиновского и Игоря Копытоффа, показывающих, как вещи, одушевленные соприкосновением с социальной тканью, сами превращаются в социально активные объекты, до трудов Пьера Бурдьё и Дэниела Миллера, рассматривающих роль вещей

¹ *Joerges B. Technology in Everyday Life: Conceptual Queries // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1988. Vol. 18. № 2. P. 220.*

в объективации социальных смыслов, и более поздних работ новых материалистов, называющих вещи полноправными социальными субъектами¹. Для моего исследования особенно важны концепции двух ведущих фигур русского авангарда — Сергея Третьякова и Виктора Шкловского.

В 1929 году Третьяков, обращаясь к советским писателям и журналистам со страниц сборника, изданного «Левым фронтом искусств» (ЛЕФом), раскритиковал приверженность старым, дореволюционным формам письма, мешавшую, по его словам, советской литературе идти в ногу с насущными, актуальными задачами социалистических преобразований в СССР. Главной мишенью нападок Третьякова был классический роман, выстроенный вокруг жизненных перипетий главного героя, — жанр, своими корнями так глубоко уходящий в буржуазный социальный строй, что его бездумное воспроизведение в социалистической литературе замораживало и убивало преобразовательный потенциал последней:

«Построение романа на биографии героя-человека в основе своей порочно и является в настоящее время лучшим способом для контрабандного протаскивания идеализма <...> Мне это пришлось испытать на собственной практике, когда я писал биоинтервью Дэн Шихуа, биографию реального человека, прослеженного по возможности объективно <...> Несмотря на значительное введение в повествование вещей и производственных процессов, фигура героя распухает

¹ *Малиновский Б.* Аргонавты западной части Тихого океана / Пер. В. Поруца. М.: РОССПЭН, 2004; *Kopytoff I.* The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // The Social Life of Things / ed. A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 64–91; *Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984; *Miller D.* Material Culture and Mass Consumption, Social Archaeology. Oxford: Blackwell, 1987; *Bennett J.* Vibrant Matter: A Political Ecology of Things. Durham: Duke University Press, 2010; *Coole D.H., Frost S.* (eds.). New Materialisms: Ontology, Agency, and Politics. Durham: Duke University Press, 2010.

и, вместо того, чтобы этими вещами и влиянием быть обуславливаемой, начинает обуславливать их сама»¹.

Третьяков отмечает, что старая литературная форма навязывала ему собственную упрощенческую логику, — он с ужасом обнаружил, что больше не контролирует собственный текст. В каком-то смысле он описывает «смерть автора», ключевую концепцию постмодернизма, согласно которой любой форме письма присущи неотделимые от нее установки, порой в корне противоречащие замыслу автора². Однако Третьякова не интересует деконструкция или критический анализ; он хочет «по возможности объективно» понимать и изображать перемены в обществе, поэтому предлагает радикальное решение: вместо романов, излагающих биографии реальных или вымышленных лиц, советские писатели должны создавать «биографии вещей»:

«Композиционная структура „биографии вещи“ представляет собой конвейер, по которому движется сырьевая единица, под человеческими усилиями превращающаяся в полезный продукт. <...>

Биография вещи имеет совершенно исключительную емкость для включения в нее человеческого материала.

Люди подходят к вещи на поперечных сечениях конвейера. <...> Индивидуально специфические моменты у людей в биографии вещи отпадают, личные горбы и эпилепсии неощутимы, но зато чрезвычайно выпуклыми становятся профессиональные заболевания данной группы и социальные невроты»³.

Иначе говоря, важно сосредоточиться на вещи, потому что так открывается новая перспектива, благодаря которой

¹ Третьяков С. Биография вещи // Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа. М.: Федерация, 1929. С. 70–71.

² Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. Г. Косикова. М.: Прогресс, 1994. С. 384–391.

³ Третьяков С. Биография вещи. С. 70–71.

«самый человек предстанет перед нами в новом и полноценном виде»¹. Биография вещи позволяет лучше понять человеческое общество, потому что человек обусловлен вещами; игнорировать вещи — значит заниматься «контрабандным протаскиванием идеализма». Призыв Третьякова писать о материальном как о социальном перекликается со знаменитой работой Копытоффа о «культурной биографии вещей», после которой биография вещи приобрела популярность у антропологов, с концепцией Бруно Латура, анализирующего циркуляцию вещей в обществе наряду с телами, текстами и идеями, и исследованиями Джудит Батлер, посвященными материальности тела. За всеми перечисленными подходами стоит понимание, что общество — нечто большее, чем сумма индивидов, институтов и организаций: материальное тоже имеет значение.

Хотя ни одну из глав этой книги нельзя назвать биографией конкретной советской вещи в том фактографическом смысле, который вкладывал в это понятие Третьяков, я обязан ему мыслью, что, описывая советские модели, памятники архитектуры или подъезды многоэтажных домов, можно плодотворно изучать социальную и культурную историю. Акцент на советских вещах помогает уйти от соблазнительного и зачастую искусственного упрощения исторического материала, к которому порой подталкивают даже самые продуктивные из основных категорий политического и социального анализа, такие как социализм, нация, потребление, гражданство и другие. Так, история подъездов и подвалов советских жилых домов, о которых речь пойдет в четвертой и пятой главах, позволяет лучше понять связь некоторых социальных барьеров и конфликтов с городским ландшафтом на закате социализма. Помимо более абстрактных социальных факторов социального расслоения: уровня дохода, образования,

¹ Третьяков С. Биография вещи. С. 70–71.

истории семьи, — такие конфликты имели под собой вполне конкретную материальную почву. От мужчины или женщины эпохи позднего социализма порой требовалось не только придерживаться определенных телесных ритуалов и дискурсивных практик, но и посещать — или демонстративно избегать — ряд мест, набор которых заметно отличался в разных социальных группах¹. Если в недавних работах по социальной и культурной истории постсталинского общества, включая книги Дональда Рейли о «советских бэйби-бумерах», Алексея Юрчака о «последнем советском поколении» и Владислава Зубка о «детях Живаго», акцент сделан на различиях между советскими поколениями, то биографии вещей выявляют глубокие классовые противоречия внутри этих поколений². Еще пример: историю масштабного моделирования в СССР (глава вторая) можно рассматривать как историю отдельно взятого хобби, но в то же время она показывает, какую роль коллекции масштабных моделей играли в формировании советского и постсоветского исторического воображения. Прослеживая социальные траектории вещей, мы присматриваемся к нюансам и деталям в масштабной картине экономических, социальных и политических изменений. Однако при изучении истории — науки, как заметил Карло Гинзбург, «уликовой» — именно детали, какими бы банальными и незначительными они ни казались, «позволяют проникнуть в иную, глубинную реальность, недостижимую другими способами»³.

¹ Такая форма культурного осмысления гендера рассмотрена в работе: *Ушакин С.* «Человек рода он»: Знаки отсутствия // *Ушакин С.* (ред.). *О муже(N)ственности.* М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 21–23.

² *Рейли Д.* Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М.: Новое литературное обозрение, 2015; *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014; *Zubok V.* *Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.

³ *Гинзбург К.* Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // *Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история: Сб. ст. / Пер. С. Козлова.* М.: Новое издательство, 2004. С. 196.